

Маркиз де Сад

Злоключения добродетели

Часть сборника
Злоключения добродетели
(сборник)

Маркиз де Сад Злоключения добродетели

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166681
Маркиз де Сад. Сборник: Продолжение жизни; 2003
ISBN 5-94730-015-X

Аннотация

Часто случается так, что тот из нас, кто строго следует принципам и уважает нравственные правила, привитые ему воспитанием, сталкивается в жизни из-за испорченности нравов большинства лишь с шипами – розы же достаются злодеям. По этой причине люди, вероятно, сочтут более благоразумным плыть по течению, нежели противостоять ему, рассудив, что добродетель, как бы хороша она ни была сама по себе, часто терпит поражение в поединке с пороком, тем самым принося невзгоды и страдания.

Значит ли это, что в насквозь прогнившем обществе самый верный способ выжить – это следовать большинству?

Содержание

***	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маркиз де Сад

Злоключения добродетели

Философия добьется величайшего триумфа, если ей удастся пролить свет на непостижимые для человека законы Провидения и разгадать предначертанный каждому жизненный путь. Это заставило бы жалкое двуногое создание, бесконечно раскачиваемое из стороны в сторону капризами жестокой судьбы, прислушаться к указаниям всемогущего рока и научиться правильно их истолковывать, дабы проложить единственную узкую дорожку, с которой нельзя сворачивать, если желаешь избежать причудливых изгибов той самой фатальности, которую называют двадцатью разными именами, не в силах точно ее определить.

К несчастью, часто случается так, что тот из нас, кто строго следует принципам и уважает нравственные правила, привитые ему воспитанием, сталкивается в жизни из-за испорченности нравов большинства лишь с шипами – розы же достаются злодеям. По этой причине люди, недостаточно стойкие в служении добродетели, вероятно, сочтут более благоразумным плыть по течению, нежели противостоять ему, рассудив, что добродетель, как бы хороша она ни была сама по себе, часто терпит поражение в поединке с пороком, тем самым принося невзгоды и страдания. Значит ли это, что в насквозь прогнившем обществе самый верный способ выжить – это следовать большинству?

Более образованные, кичась своими познаниями, возможно, процитируют ангела Иезаида из «Задига» Вольтера, утверждавшего, что нет такого зла, которое не порождало бы добро, и наверняка добавят, что несовершенная структура рода человеческого такова, что сумма добрых дел равна сумме дел злых и для поддержания равновесия важно, чтобы хорошего было столько же, сколько дурного, и, исходя из этого, не имеет значения, если тот или иной человек будет преимущественно положительным или скверным, и раз добродетель подвергается гонениям, а порок почти всегда сопровождается успехом и несправедливость эта безразлична для общей картины мироздания, то не мудрее ли выбрать лагерь злых, которые процветают, чем очутиться среди добродетельных, которые погибают?

Стремясь опровергнуть эти опасные философские софизмы, мы желаем наглядно показать, как уроки несчастной судьбы добродетели, преподанные душе развращенной, однако сохранившей остатки нравственности, куда вернее способствуют возвращению заблудшей души к добру, нежели обещанные на стезе добродетели высокие почести и блестящие награды. Безусловно, это жестоко: описывать, с одной стороны, многочисленные невзгоды, обрушившиеся на женщину кроткую и чувствительную, которая свято чтит добродетель, а с другой стороны, изображать богатство и процветание той, которая всю жизнь презирует высокую нравственность; однако если из сопоставления этих двух картин можно будет извлечь пользу, то стоит ли автору укорять себя за то, что он решился представить их на суд публики? Должно ли испытывать угрызения совести за то, что просто излагаешь факты, способные подтолкнуть всякого благоразумного читателя к выводу о необходимости подчиниться приказам Провидения, чьи тайные замыслы скрыты от наших взоров, и об умении прислушаться к роковым предостережениям, когда, желая напомнить о невыполненном долге, Небеса нам в назидание карают других, ни в чем не повинных?

Такого рода мысли и чувства побудили нас взяться за перо, и, надеясь на доброжелательность читателей, мы покорно просим немного внимания и интереса к злоключениям нашей бедной и несчастной Жюстины.

Графиня де Лорсанж была одной из известных каждому жриц Венеры, строивших свое благополучие на обольстительной внешности, распутстве и коварстве, а их высокие титулы, свидетельства о которых можно найти лишь в архивах Цитеры, были столь же нагло и бесцеремонно добыты, сколь нелепо и легковверно предоставлены. Это была живая брюнетка, прекрасно сложенная, с необычайно выразительным взглядом черных глаз. Остроумие и в особенности своеобразная манера одеваться придавали ее и без того чувственному облику еще большую пикантность, заставляли с еще большей силой желать такую женщину, какую в ней подозревали.

Впрочем, она получила блестящее образование; дочь крупного торговца с улицы Сент-Оноре, она вместе с сестрой, которая была младше ее на три года, воспитывалась в одной из прославленных парижских обителей, где до пятнадцати лет ни в чем не знала отказа: ни в лучших учителях, ни в советчиках, ни в хороших книгах, ни в развитии своих талантов.

И вдруг в этом опасном для целомудрия юной девушки возрасте она в один день лишилась всего. Из-за полного банкротства ее отец оказался в настолько бедственном положении, что в страхе перед неминуемой расплатой стремительно переправился в Англию, оставив дочерей на попечении жены, которая умерла от горя через неделю после бегства мужа. Немногочисленные родственники, посовещавшись, как поступить с бедными сиротами, выяснили, что у каждой оставался лишь вклад за обучение примерно в сто экю. Было принято решение выдать девочкам то, что им причитается, и предоставить каждой самой распоряжаться своей судьбой.

В ту далекую пору, когда началась история, о которой мы повествуем, госпожа де Лорсанж звалась просто Жюльеттой. В свои пятнадцать лет она была наделена зрелым, трезвым умом тридцатилетней женщины и поэтому была счастлива сознанием полной свободы, ни минуты не задумываясь над пагубными последствиями подобного освобождения от оков.

Жюстина же, ее сестра, едва достигшая двенадцати лет, наделенная нравом печальным и задумчивым, одаренная на редкость нежной и чувствительной душой, не имея взамен притворства и изворотливости сестры ничего, кроме простодушия, чистосердечия и наивности, которые в наш жестокий век неизбежно должны были толкнуть ее в западню, ощутила весь ужас своего положения. Облик этого юного создания совсем не напоминал Жюльетту: насколько в чертах одной просматривались искусственность, манерность и кокетство, настолько можно было любоваться стыдливостью, чуткостью и застенчивостью другой. Девственный лик, огромные голубые глаза, взгляд, исполненный сочувствия к ближним, ослепительная кожа, тонкая и изящная талия, мелодичный голос, белоснежные зубы и прекрасные белокурые волосы – таков набросок портрета этой очаровательной младшей сестры, чья нежная и хрупкая красота являет собой столь тонкое и деликатное произведение природы, что ускользает от кисти, пожелавшей ее отобразить.

Обе сестры должны были покинуть обитель в двадцать четыре часа. Им предстояло самим устраиваться в жизни и тратить полученные сто экю как заблагорассудится. Жюльетта, которая не могла нарадоваться своей свободе, пыталась успокоить плачущую Жюстину, но, увидев, что это не удастся, вместо утешения стала ее бранить, говоря, что та просто дурочка и что она не знает ни одного случая, когда такие молодые и красивые девушки, как они, умирали с голоду; она привела в пример дочь их соседа, которая когда-то сбежала из родительского дома и теперь находится на приличном содержании у одного откупщика, имея свой выезд в Париже. Жюстина пришла в ужас от рассказа о таком безобразии, сказав, что лучше умереть, чем следовать подобному образцу, и, как только поняла, что Жюльетта склоняется к тому отвратительному образу жизни, который она так расхваливает, решительно отказалась проживать вместе с ней.

Итак, когда стало ясно, что намерения сестер оказались несовместимыми, они расстались без всякого уговора свидеться в будущем. Разве снизошла бы Жюльетта, претендующая

на положение знатной дамы, до общения со скромной девочкой, чей целомудренно-низкий уровень притязаний глубоко ей претил, и пожелала ли бы, со своей стороны, Жюстина рисковать своей репутацией в обществе из-за связи с испорченным созданием, не гнушающимся ни распутством, ни публичным скандалом? И каждая из сестер, взяв свою долю, покинула обитель на следующий же день, как и было условлено.

Жюстина вспомнила, как в детстве она была обласкана портнихой матери, и, полагая, что та посочувствует ее горю, разыскала эту женщину, рассказала о своем бедственном положении и попросила у нее работы, в чем ей было грубо отказано.

– О Небо, – причитала наша бедняжка, – стоило мне сделать первый шаг навстречу людям, как он привел меня к огорчениям... Эта женщина любила меня прежде, отчего же отталкивает теперь? Увы, потому что я бедная сирота... У меня больше нет поддержки, а людей ценят, лишь надеясь получить от них помощь или развлечься с ними.

Пережив первую обиду, Жюстина пришла посоветоваться к кюре из своего прихода, однако жалостливый церковник двусмысленно ей ответил, что приходская церковь обложена чрезмерными налогами и не имеет возможности выделить ей денег, но если бы она пожелала поступить к нему в услужение, то он бы охотно поместил ее у себя; но, поскольку, произнося это, святоша взял ее за подбородок, награждая чересчур мирским для служителя культа поцелуем, но негодующая Жюстина сразу все поняла и быстро вырвалась, воскликнув:

– Сударь, я не прошу у вас ни подавания, ни места прислуги. Недавно я отвергла предложение, которое могло бы стоить обоих ваших благодеяний; я у вас испрашиваю советов, в которых так нуждаются моя неопытность и мое тяжелое положение, а вы хотите заставить меня заплатить за них преступную цену...

Кюре, возмущенный такой отповедью, резко вытолкнул ее за дверь, и Жюстина, отвергнутая во второй раз, оказалась обречена на одиночество. Она заходит в первый же дом, на котором висит дощечка с объявлением о сдаче, снимает маленькую меблированную комнатку, заплатив вперед, и полностью отдается глубокой печали, повергнутая бедственным состоянием и жестокосердием тех немногих, к кому ее вынудила обратиться злосчастная звезда.

А теперь читатель позволит нам на некоторое время оставить ее в этом безвестном пристанище и вернуться к Жюльетте: нам не терпится сообщить, как она вышла из того незавидного положения, в котором мы видели ее, и как за пятнадцать лет она превращается в титулованную даму, владелицу более тридцати тысяч ливров ренты, великолепнейших драгоценностей, двух или трех домов за городом и в Париже, а в настоящий момент – сердца, состояния и доверия господина де Корвиля, государственного советника, человека весьма влиятельного, который вскоре должен стать министром. Путь Жюльетты был тернистым; не сомневайтесь: только самым постыдным и суровым ученичеством дамочки такого рода прокладывают себе дорогу. Какая-нибудь из них и сегодня, взойдя на ложе очередного владыки, еще несет на себе позорную печать прикосновений грязных распутников, в чьи объятия она некогда была брошена молодостью и неопытностью.

Покинув обитель, Жюльетта без труда разыскала в Париже некую даму, о которой слышала от одной развращенной подружки, жившей некогда по соседству. Жюльетта беззастенчиво заявила к этой Дюбюиссон. Со свертком в руках, в помятом коротеньком платьице, с самым хорошеньким в мире личиком, она выглядела как маленькая школьница. Жюльетта рассказала этой женщине свою историю, умоляя взять ее под покровительство, подобно тому как несколько лет назад та помогла ее давнишней подружке.

– Сколько вам лет, дитя мое? – спросила ее госпожа Дюбюиссон.

– Через несколько дней мне будет пятнадцать, сударыня.

– И что же, вас еще никто не...

– О нет, сударыня, клянусь вам.

– Но в монастырях иногда случается, что какой-нибудь духовник, какая-то монашка или просто подружка... мне нужны веские доказательства.

– Не остается ничего другого, как вам их представить, сударыня...

И Дюбюиссон, вооружившись очками, лично удостоверилась в том, что дело обстоит именно так, и сказала Жюльетте:

– Хорошо, деточка моя, вы можете остаться здесь и будете неукоснительно исполнять то, что я от вас потребую, а именно: вам нужно приучиться уважать заведенные у меня порядки, быть опрятной, бережливой, порядочной по отношению ко мне, учливой с вашими подружками, хитрой и ловкой с мужчинами, и в таком случае через несколько лет пребывания здесь вы будете в состоянии переселиться в собственную комнату с комодом, трюмо и сервантом, а мастерство, которое вы приобретете у меня, поможет вам заработать остальное.

Дюбюиссон завладела свертком Жюльетты, спросила, нет ли у нее каких-нибудь денег, на что наша героиня чистосердечно призналась, что у нее есть сто экю. Добрая мамаша завладела и ими, уверяя свою молоденькую ученицу, что поместит этот маленький капитал с выгодой для нее и что не годится такой юной девушке иметь при себе деньги – они могут сослужить ей дурную службу, а в столь испорченный век девушка разумная и благородного происхождения должна старательно избегать соблазнов, чтобы не попасть в ловко расставленные сети. После подобного наставления новенькая была представлена своим товаркам, ей выделили комнату, и уже со следующего дня ее нетронутые прелести поступили в продажу. В течение четырех месяцев этот товар был успешно перепродан восьмидесяти клиентам, каждый из которых оплатил его как новый, и лишь к концу этого нелегкого посвящения Жюльетта получила степень послушницы и была признана равноправной представительницей заведения. И вот – новое «подвижничество», и если при первых шагах Жюльетта, хотя и с некоторыми отклонениями, но все же следовала естеству, то на втором – его законы были преданы забвению: преступные извращения, бесстыдные забавы, тайные и гнусные оргии, скандальные и диковинные прихоти, унижительные фантазии – весь этот кошмар есть порождение, с одной стороны, желания наслаждаться, не рискуя своим здоровьем, а с другой – это губительный плод пресыщения, которое, притупляя воображение, не оставляет ему иной радости, кроме излишества, и иной пищи, кроме распутства... На второй ступени обучения Жюльетта окончательно испортила свой нрав, а блестящие победы, которые она одерживала в служении пороку, совсем разрушили ее душу. Она ощутила, что рождена для преступления, и ей захотелось идти дальше и больше не прозябать в подчиненном положении, которое, заставляя ее совершать мелкие проступки, унижающие ее, при этом не приносило значительной выгоды. Ей удалось понравиться одному стареющему развратному вельможе, который поначалу держал ее в качестве девочки на четверть часа; но она мастерски сумела добиться от него великолепного содержания и, наконец, стала показываться на спектаклях и на прогулках в обществе своих поклонников – рыцарей ордена Цитеры. На нее обратили внимание, о ней заговорили, ей стали завидовать, и надо сказать, что наша плутовка так умело взялась за дело, что четыре года спустя она уже разорила трех мужчин, из которых самый бедный владел ста тысячами экю ренты. Этого оказалось достаточно, чтобы сделать ей имя. Слепление людей нашего века столь велико, что, чем более одна из этих презренных дамочек обнаруживает свою нечестность, тем сильнее хочется попасть в ее список, будто степень ее падения и испорченности становится мерилom чувств, на которые можно решиться по отношению к ней.

Жюльетта едва достигла двадцати лет, когда некий граф де Лорсанж, сорокалетний анжуйский дворянин, так в нее влюбился, что, не будучи достаточно состоятельным, чтобы ее содержать, отважился предложить ей свой титул. Он назначил ей двенадцать тысяч ливров ренты. Остальное свое имущество, доходившее до восьми тысяч, он застраховал на случай, если он умрет раньше. Граф предоставил в распоряжение Жюльетты дом, прислугу, а

также обеспечил ей положение в обществе, которое через два-три года настолько упрочилось, что заставило злые языки забыть о дебюте молодой графини. И тут-то недостойная Жюльетта, испорченная вредными книгами и дурными советами, забыла о своем благородном происхождении и хорошем воспитании. Она так торопилась насладиться всеми благами в одиночку, соединяя блеск графского титула со свободой от супружеских уз, что дерзнула укоротить дни своего мужа... Ей удалось осуществить задуманное в совершенной тайне и избежать судебного преследования, похоронив вместе со стеснявшим ее супругом все следы своего ужасного преступления.

Сделавшись свободной в своих поступках обладательницей громкого титула, госпожа де Лорсанж возобновила свои прежние занятия, но, будучи теперь видной фигурой в обществе, привнесла в них некоторую благопристойность. Это уже была не содержанка, а богатая вдова, устраивавшая изысканные приемы, куда городская знать считала за счастье быть допущенной, и, тем не менее графиня продавалась за двести луидоров, а на месяц за пятьсот. К двадцати шести годам она добилась многих блестящих побед, разорив трех послов, четырех откупщиков, двух епископов и трех кавалеров ордена Святого Людовика. Однако редко кто останавливается после первого преступления, особенно если оно удачно сходит с рук, и презренная, погрязшая в грехах Жюльетта осквернила себя двумя новыми злодеяниями, сходными с первым. Сначала она устраняет своего любовника, доверившего ей изрядную сумму, о которой не догадывалась его семья. Госпожа де Лорсанж сохранила тайну, завладев этой суммой. Затем таким же способом Жюльетте удастся заполучить сто тысяч франков, которые один из ее обожателей отказал ей по завещанию на имя третьего лица, которому вменялось в обязанность вернуть сумму за незначительное вознаграждение. К такого рода низостям госпожа де Лорсанж прибавила еще два или три детоубийства. Страх испортить свою прекрасную фигуру и желание спрятать двойную интригу много раз толкали ее на изгнание плода; но и эти прегрешения, неразгаданные, как и те другие, не помешали этому ловкому и честолубивому созданию беспрестанно отыскивать новых простаков и ежеминутно приумножать свое состояние, совершая все новые злодеяния.

Итак, к сожалению, мы вынуждены признать, что успех и процветание часто сопутствуют злодеям, а то, что мы зовем счастьем, может позолотить жизненную нить того, кто пребывает в глухой пучине распутства и чье поведение есть плод самого сознательного служения злу. Но пусть эта бесспорная и суровая истина не пугает вас, и пускай жизнь другой несчастной, которую мы намереваемся привести как образец, а также картины преследуемой повсюду добродетели не терзают долее порядочных людей, ибо благосостояние преступника – только видимость, ведь независимо от Провидения, которое рано или поздно карает за темные дела, виноватый сам взращивает в глубине сердца жестокие угрызения совести, беспрерывно разъедающие его душу; они тревожат его, отравляя краткий миг блаженства, порой озаряющий его существование, после чего он оказывается во власти мучительных воспоминаний о злодеяниях, ценой которых был достигнут этот сладкий сон. Что же касается невзгод, выпадающих на долю того, кто служит добродетели, то он, даже будучи обездоленным и гонимым злым роком, имеет в утешение свою чистую совесть, а сокровенная радость от сознания собственной правоты вознаграждает его за беды, причиненные людской несправедливостью.

Таково было положение дел госпожи де Лорсанж, когда пятидесятилетний влиятельный политик господин де Корвиль, о котором мы уже упоминали, вознамерился полностью посвятить себя этой женщине, окончательно привязав ее к себе. То ли благодаря его собственной предупредительности и заботливости, то ли вследствие мудрости и благоразумия со стороны госпожи де Лорсанж, ему удалось этого добиться. И вот уже четыре года господин де Корвиль жил с ней как с законной супругой, и это лето они решили провести в великолепном имении в окрестности Монтаржи, которое он только что купил для графини. Как-

то чудесным июньским вечером они, нагулявшись до изнеможения, дошли почти до самого городка и, слишком уставшие, чтобы вернуться обратно, зашли на постоялый двор, откуда хотели послать верхового за экипажем, который довез бы их до замка. На постоялом дворе обычно останавливался лионский дилижанс. Они отдыхали в прохладной комнате первого этажа с низким потолком и окнами во двор, когда дилижанс подъехал к этому заведению. Разглядывать проезжую публику – истинное развлечение: редко кто в минуты безделья откажет себе в таком удовольствии. Госпожа де Лорсанж подошла к окну; ее любовник последовал за ней, и они стали наблюдать, как все пассажиры заходят в гостиницу. Казалось, что в экипаже больше никого не оставалось, когда к нему подъехал полицейский фургон, из него вышел стражник, который принял из рук своего товарища находившуюся в дилижансе связанную преступницу – молодую девушку лет двадцати шести-двадцати семи, в убогой короткой ситцевой мантилье. Госпожа де Лорсанж невольно вскрикнула – девушка обернулась, представив взорам столь нежные черты и такой стройный изящный стан, что господин де Корвиль и его спутница не смогли удержаться от искушения разузнать подробнее о судьбе этой несчастной. Господин де Корвиль подошел к одному из стражников и спросил, в чем провинилась эта девушка.

– По правде сказать, сударь, – ответил стражник, – ее обвиняют в трех или четырех тяжелейших преступлениях; речь идет о краже, убийстве и поджоге, но признаюсь, что мы с напарником еще никогда не сопровождали преступника с таким нежеланием. Эта девушка кажется кроткой и порядочной...

– Ах, как жаль, – сказал господин де Корвиль, – быть может, она жертва очередного промаха наших провинциальных судей? Где было совершено правонарушение?

– На постоялом дворе, в трех лье от Лиона; приговор был вынесен в Лионе, ее возили в Париж для его подтверждения, а теперь везут обратно на смертную казнь.

Госпожа де Лорсанж, слышавшая этот разговор, подошла и шепнула де Корвилю, что хотела бы услышать из уст самой девушки историю ее злоключений, и господин де Корвиль, который хотел того же, попросил об этом ее сопровождающих, представившись им. Те ничего не имели против; было условлено провести ночь в Монтаржи, где будет заказано две квартиры: одна – для господ, другая – для стражников, неподалеку. Господин де Корвиль взял узницу под свою ответственность; ее развязали, провели в комнаты господина де Корвиля и госпожи де Лорсанж; охранники поужинали и улеглись; несчастную девушку уговорили немного поесть. Госпожа де Лорсанж никак не могла побороть самого искреннего интереса к судьбе незнакомки, которая словно служила ей живым укором. «Это отверженное создание, быть может невинное, считают преступницей, а я несомненно ею являясь, благоденствую», – такие мысли мучили госпожу де Лорсанж. Как только молодая девушка немного пришла в себя, успокоенная проявленной заботой и оказанным ей вниманием, госпожа де Лорсанж попросила ее рассказать, какому злему стечению обстоятельств было угодно, чтобы та, на вид такая порядочная и благонравная, оказалась в столь плачевном положении.

– Поведать вам историю моей жизни, сударыня, – начала прекрасная пленница, обращаясь к графине, – значит рассказать о самом поразительном примере наказания невинной и жаловаться на несправедливость Провидения, а это преступно, и я не посмею...

Обильные слезы ручьем полились из глаз несчастной девушки, и, на мгновение дав им волю, она продолжила свой рассказ.

– Сударыня, позвольте мне утаить мое имя и происхождение, которое, не будучи блестящим, было вполне почтенным и никак не сулило тех унижений, которые и явились причиной большинства моих злоключений. Потеряв родителей в раннем возрасте, я надеялась, что, воспользовавшись небольшой суммой, оставленной ими, сумею получить приличное место, отказываясь от сомнительных предложений, и, сама того не замечая, проедала то небольшое, что мне досталось. Чем беднее я становилась, тем более меня презирали; чем больше я нуж-

далась в поддержке, тем менее мне готовы были ее оказать и тем чаще мне встречались люди недостойные и бесчестные. Из всех унижений, которые я испытала в этом жалком положении, из всех ужасных событий я вам расскажу лишь о том, что со мной произошло в доме у господина Дюбура, едва ли не самого богатого столичного откупщика. Меня послали к нему как к одному из тех, чье влияние и могущество без труда могли смягчить мою участь, но люди, что дали подобный совет, либо желали обмануть меня, либо не подозревали о черствости и испорченности этого человека. Продержав два часа в передней его дома, меня наконец впустили. Господин Дюбур, человек лет сорока пяти, только что встал с кровати и предстал передо мной в свободном халате, хранившем следы бурно проведенной ночи. Его готовили к утреннему туалету и собирались причесывать. Он отправил своего камердинера и спросил, что, собственно, мне от него нужно.

«Увы, сударь, – ответила я, – перед вами бедная сирота, которая за свои неполные четырнадцать лет успела познать все беды на свете».

И тут я ему подробно описала свои неудачи, трудности и отчаяние, которое я испытала, израсходовав все, что у меня было, обиды из-за многочисленных отказов в помощи, выразив при этом надежду, что он посодействует мне и поможет раздобыть средства к существованию.

Внимательно меня выслушав, господин Дюбур спросил, старалась ли я оставаться целомудренной.

«Я не была бы так бедна и столь стеснена обстоятельствами, сударь, если бы согласилась перестать быть таковой».

«Дитя мое, – возразил он мне, – а на каком основании вы заявляете о своих правах на благополучие, если не готовы поработать на него?»

«Я желаю работать, сударь, и не прошу ничего другого».

«Услуги такого ребенка, как вы, принесут не много пользы для хозяйства, у вас не тот возраст и не то сложение, чтобы использовать вас так, как вы просите. Однако если бы вы отбросили эту нелепую строгость нравов, то могли бы претендовать на изрядный успех у любого греховодника. И именно в этом направлении вам следует действовать. Целомудрие, которое вы выставляете напоказ, не приносит в этом мире никакой пользы, напрасно вы им кичитесь, вы за него не выпросите и стакана воды. Для нас, светских людей, подавать милостыню – одна из прихотей, которой мы менее всего склонны предаваться и которая нам более всего претит, а поэтому мы хотим возместить извлекаемые из карманов деньги. А что может предложить такая милая девочка, как вы, взамен нашей поддержки, если не полное согласие на все, что пожелают от нее потребовать?»

«О, сударь, неужели в сердцах людей больше не осталось ни доброжелательности, ни благородного сочувствия к ближнему?»

«Очень мало, деточка, ничтожно мало, пора освободиться от мании бесплатно делать одолжения. Эта нелепость может на какой-то миг пощекотать самолюбие, но, поскольку его улады слишком призрачны и недолговечны, возникает потребность в компенсации более ощутимой, и становится ясно, что от такой девочки, как вы, куда приятнее заполучить в качестве награды все удовольствия, которые можно извлечь из ее растления, нежели щеголять тем, что подаешь ей милостыню. Репутация человека либерального, щедрого и великодушного не стоит и сотой доли того наслаждения, которым вы можете меня одарить, и, обратившись к любому человеку моего возраста и моего круга, вы не услышите иного ответа, дитя мое. Итак, я готов спасти вас, но лишь в соответствии с тем, насколько послушно вы станете мне во всем угождать».

«Какая жестокость, сударь, какая бесчеловечность! И вы полагаете, что Небеса не покажут вас за это?»

«Пойми же ты, дурочка, что Небо – это как раз то, что меньше всего нас волнует; нам безразлично, нравится ему или нет то, что мы вытворяем здесь, на земле, мы не признаем его власти и каждый день бросаем ему вызов, а страсти лишь тогда приобретают для нас истинную притягательность, когда более всего нарушают все его предписания или то, что многие глупцы считают таковыми, но что в сущности есть не что иное, как некая иллюзия, плод изощренного и ловко подстроенного обмана».

«Но, сударь, следуя подобным нравственным правилам, выходит, что несчастным и обездоленным не остается ничего другого, как погибнуть?»

«Что за важность? Во Франции гораздо больше подданных, чем она способна прокормить, и правительство, которое занимается делами общества, не станет возиться с отдельными людьми; его главная забота – сохранность государственной машины».

«И вы думаете, что дети станут почитать отца, который с ними так дурно обращается?»

«Что значит для отца, у которого чересчур много детей, привязанность тех, от которых он не получает никакой помощи?»

«Лучше бы он задушил нас при рождении!»

«Пожалуй, но давай оставим политику, ты в ней ничего не смыслишь. К чему жаловаться на судьбу, ведь она зависит лишь от твоего собственного выбора?»

«Но какой ценой, Небо праведное!»

«Ценой отказа от несбыточной мечты, пустяка, который ничего не стоит, и только твоя гордыня придает ему значение... Однако отложим в сторону эти рассуждения и займемся тем, что касается непосредственно нас двоих. Ты чрезвычайно дорожишь этой химерой, я же очень мало ее ценю, берем среднее арифметическое, я не отнимаю ее у тебя. Те не очень обременительные обязанности, которые тебе придется исполнять за приличное вознаграждение, будут совсем другого рода. Я определяю тебя в услужение к моей экономке, и каждое утро передо мной то эта женщина, то мой камердинер будут подвергать тебя...»

О, сударыня, как передать вам словами это отвратительное предложение? Столь оскорбительное для моего слуха, оно ошеломило меня, когда он его произносил. Оно чересчур постыдно, чтобы вновь его повторить, надеюсь, ваша милость избавит меня от этого. Злодей, он называл мне имена известных служителей культа, и я должна была служить жертвой...

«Вот все, что я могу сделать для вас, мое дитя, – продолжал этот грязный человек, непристойно распахиваясь передо мной. – К тому же я могу вам предоставить за участие в этой довольно длинной и щекотливой церемонии содержание в течение двух лет. Сейчас вам четырнадцать. В шестнадцать вы будете вольны искать удачу в другом месте, а до этих пор будете одеты, накормлены и станете получать один луидор в месяц. Сумма солидная: той, кого вы замените, я столько не платил. Правда, она не хранила столь бережно, как вы, свою драгоценную невинность, но, как видите, я доплачиваю вам за нее пятьдесят экю в год, по сравнению с вашей предшественницей. Хорошенько подумайте: не забывайте, в каком нищенском состоянии я подбираю вас; ни для кого не новость, что в нашей несчастной стране тем, кому не на что жить, приходится изрядно намучиться, чтобы заработать деньги; да, признаю, вам придется потерпеть и пострадать, но получите за это куда больше, чем многие другие в вашем положении».

Недостойные речи этого чудовища подогрели его страсти, и он грубо схватил меня за ворот платья, сказав, что для начала он сам сейчас покажет мне, о чем идет речь... Но негодование придало мне смелости и силы, и я смогла от него отбиться, уже в дверях высказав ему напрямик:

«Презренный негодяй, пусть однажды Небеса, которые ты так постыдно оскорбляешь, накажут тебя по заслугам за твою бесчеловечную жестокость; ты недостойн ни богатств, которые столь гнусно используешь, ни самого воздуха, который оскверняешь своим омерзительным дыханием».

Я возвращалась домой во власти темных и печальных мыслей, которые всегда порождают испорченность и черствость людей. И тут неожиданно луч надежды, казалось, засверкал перед моим взором: хозяйка комнаты, где я жила, зная о моих трудностях, сообщила, что наконец нашелся дом, где меня с радостью примут при условии, что я буду прилично себя вести.

«Хвала Небу, сударыня! – воскликнула я, восторженно ее обнимая. – С удовольствием принимаю это условие, ведь это именно то, чего я и сама добиваюсь».

Человек, у которого мне предстояло служить, был старым ростовщиком; поговаривали, что он разбогател, не только давая деньги под залог, но и потихоньку обкрадывая всех и вся каждый раз, когда считал, что это можно сделать безнаказанно. Жил он на улице Кинкампуа, занимая второй этаж дома, со старинной своей сожительницей, которую именовал женой, такой же злобной, как он сам.

«Софи, – заявил мне этот скряга, – имейте в виду, Софи, – это имя я придумала, чтобы скрыть мое настоящее, – первая добродетель, которая необходима в моем доме, – это честность. Если вы стащите отсюда хотя бы десятую долю денег, я добьюсь того, что вас повесят; имейте в виду, что я не шучу, Софи. Если мы с женой и можем себе кое-что позволить на старости лет, то это стоило нам огромных трудов и строгой воздержанности... Много ли вы едите, дитя мое?»

«Несколько унций хлеба в день, сударь, да немного супа, когда Бог мне его посылает».

«Супа, черт возьми, ты только подумай, моя милая, – сказал старый сквалыга жене, – она хочет супа! Какие замашки! Целый год она ищет работу, уже готова умереть с голоду, и при этом желает есть суп! Мы едва позволяем себе такую роскошь раз в неделю, по воскресеньям, – мы, привыкшие работать как каторжные вот уже сорок лет. Вам будет отведено по три унции хлеба в день, дочь моя, полбутылки речной воды, каждые восемь-десять месяцев старое платье жены, которое вы будете перешивать на юбки, и три экю жалованья в конце года, если мы будем довольны вами, если ваша бережливость будет отвечать нашим требованиям и если вы будете ратовать за порядок и преуспевание в нашем доме. Вы будете управляться в доме одна. Ваши обязанности не так сложны: три раза в неделю скоблить и чистить квартиру из шести комнат, стелить постель мне и жене, отвечать за входную дверь, пудрить мой парик, причесывать жену, ухаживать за собакой, кошкой и попугаем, следить за кухней, чистить домашнюю утварь, независимо от того, пользуются ею или нет, помогать жене готовить еду, а в остальное время чинить белье, чулки, чепчики и другие мелочи. Как видите, Софи, ничего особенного; у вас останется достаточно времени, мы разрешаем вам использовать его по вашему усмотрению, например, шить для себя необходимую одежду».

Нетрудно представить себе, сударыня, в каком беспомощном состоянии я находилась, чтобы согласиться на такое место; не говоря о том, что подобная нагрузка была непосильна для моего возраста и сложения, возможно ли было прожить на те гроши, что мне предлагали? Тем не менее, я не стала капризничать и поселилась там в тот же вечер.

На втором году пребывания в этом доме меня ожидала такая страшная катастрофа, что тяжело вспоминать об этом. Если отчаянное положение, в котором я нахожусь, позволит мне, госпожа, немного развлечь вас, в то время, когда я должна думать лишь о том, чтобы тронуть вашу душу для моего же блага, я осмелюсь полагать, что развеселю вас описанием необыкновенной скарედности, свидетельницей которой я оказалась, прежде чем волновать вас печальными событиями. В доме никогда не зажигали света; квартира хозяев выходила окнами на уличный фонарь, и это счастливое обстоятельство избавляло их от трат на дополнительное освещение. Что касается белья, им вообще не пользовались. На рукава хозяина и госпожи надевались истрепанные манжеты, которые я стирала вечером по субботам, чтобы они были готовы к воскресенью; никаких полотенец и простынь, чтобы не тратиться на слишком дорогое отбеливание, так считал мой почтенный хозяин – господин Дюарпен. Здесь

никогда не пили вина: простая вода, по мнению госпожи Дюарпен, была натуральным напитком, служившим еще нашим предкам, и именно она была предписана нам природой; когда нарезали хлеб, вниз подставляли корзинку, чтобы собирать все, что туда сыпалось, затем тщательно собирали все хлебные крошки, оставшиеся от трапезы, все это жарилось на прогорклom масле и составляло праздничное воскресное блюдо. Из страха истрепать одежду и мягкую мебель их не выбивали, а лишь слегка обмахивали метелкой из больших перьев. Башмаки господина и госпожи были подбиты железом, и каждый из супругов ревностно оберегал от порчи туфли, которые служили им еще в день свадьбы. Но еще более диковиной была одна моя обязанность, которую мне надлежало исполнять раз в неделю. В квартире была одна большая комната, не оклеенная обоями. Мне надо было наскрести ножом какое-то количество штукатурки со стен, просеять ее через частое решето, а то, что появлялось в результате этой операции, превращалось в туалетную пудру, которой я каждое утро украшала парик хозяина и шиньон хозяйки. Если бы только эти гнусности были единственными у этих низких людей! В конце концов вполне естественно человеческое желание держаться за свое добро, но нельзя его путать с жадной удвоить его за счет состояния другого, и вскоре я обнаружила, что именно таким способом господину Дюарпену удалось обогатиться. Над ним поселился некий господин, который жил широко, у него было много красивых драгоценностей и безделушек, хорошо знакомых моему хозяину то ли потому, что он жил по соседству, то ли потому, что они просто прошли через его руки. Я часто слышала, как он сокрушался со своей женой о какой-то золотой шкатулке за тридцать или сорок луидоров, которая непременно досталась бы ему, будь он в свое время чуть попроворнее, а так ему пришлось вернуть шкатулку владельцу, и, чтобы утешиться от потери, добропорядочный господин Дюарпен задумал ее выкрасть, рассчитывая именно на меня возложить это дело.

Произнеся пространную речь об определенной целесообразности воровства, даже о некоторой его пользе для общества, ибо оно устанавливает нечто вроде равновесия, нарушенного неравенством между людьми, господин Дюарпен вручил мне поддельный ключ от квартиры соседа, уверяя, что я без труда найду нужную шкатулку в секретере, который никогда не запирается, и беспрепятственно вынесу ее, а за такую важную услугу я получу по истечении двух лет одно дополнительное эку сверх жалованья.

«Но, сударь! – воскликнула я в ответ. – Возможно ли, чтобы хозяин осмелился предлагать такую низость своей же собственной служанке? Кто же сможет мне помешать повернуть против вас оружие, которое вы даете мне в руки, и что сможете вы привести в качестве возражения, если я обворую вас, следуя вашим принципам?»

Весьма удивленный моей отповедью, господин Дюарпен не решился более настаивать, однако затаил в сердце злобу. Он вовремя спохватился, сказав, что его поведение было лишь способом испытать меня и что я молодец, устояв перед недостойным предложением, в противном случае мне бы несдобровать. Мне пришлось довольствоваться таким ответом, но с тех самых пор я ощутила на себе все тяжелые последствия этого разговора и оплошности, что я допустила, отказавшись столь решительно. Но ведь выбора не было – необходимо было либо совершить преступление, о котором он мне говорил, либо резко отвергнуть его предложение. Будь я поопытней, я бы, не теряя ни минуты, покинула этот дом, но в великой книге судеб уже было записано, что за всякое благородное движение моей души я должна расплачиваться несчастьем. Итак, мне предстояло испытать все превратности моей немилосердной судьбы.

Господин Дюарпен оставил меня в покое примерно на месяц; он продержался почти до истечения второго года моего пребывания в этом доме, не позволив себе ни словом, ни намеком выразить свое злопамятство из-за моего отказа. И вот в один прекрасный вечер, закончив работу, я поднялась в свою комнату в надежде насладиться несколькими часами

отдыха, как вдруг раздался шум: мою дверь взломали, и у моей кровати оказался Дюарпен в сопровождении полицейского комиссара и четверых стражников.

«Исполняйте ваш долг, сударь, – обратился он к служителю правосудия, – эта презренная украла у меня бриллиант стоимостью в тысячу экю. Вы сможете его отыскать в ее комнате или на ней; факт очевиден!»

«Мне обокрасть вас! – я в возмущении вскочила с кровати. – Мне? Ах, сударь, кто лучше вас знает, насколько это противно и немыслимо для меня!»

Но господин Дюарпен нарочно поднял шум, чтобы мои слова не были услышаны; он продолжал обыск, и злополучный перстень вскоре был обнаружен в одном из моих тюфяков. Против таких улик нечего было возразить; я мгновенно была схвачена, и со связанными руками и ногами с позором доставлена в тюрьму, где не имела возможности заставить выслушать хоть слово из того, что я могла сказать в свое оправдание.

Судебный процесс над безвестной сиротой, у которой нет ни денег, ни влиятельных покровителей, совершается во Франции без всякого промедления. Принято полагать, что добродетель несовместима с бедностью, и порой в наших судах беды и неудачи становятся полновесным доводом против подсудимого. Некое несправедливое предубеждение заставляет верить, что преступление совершает тот, кто в силу своей убогости неизбежно должен был его совершить; симпатии измеряются положением, в котором вы находитесь в данный момент, и если вы не можете предъявить титулы и богатство, свидетельствующие о том, что вы должны быть честны, то в таком случае невозможность для вас оставаться порядочным, в силу вашего бедственного положения, доказывается тотчас же.

Напрасно я пыталась защищаться, снабжая достоверными сведениями адвоката, которого ко мне чисто формально привели на минуту. Мой хозяин выдвинул обвинение. Бриллиант был найден в моей комнате, значит, кража совершена мной. Когда я попыталась рассказать о бесчестном поведении господина Дюарпена, стараясь доказать, что его обвинение явилось лишь следствием мести и зависти, что он хотел отделаться от той, которая, владея его секретом, могла бы испортить ему репутацию, мои жалобы сочли клеветой, заявив, что господин Дюарпен вот уже сорок лет известен как человек неподкупный и неспособный на такой поступок. Я уж почти смирилась с тем, что мне придется расплачиваться своей жизнью за отказ от соучастия в преступлении, когда одно непредвиденное событие, вернувшее мне свободу, заставило меня снова окунуться в водоворот новых невзгод, которые еще ожидали меня в этом мире.

Моей соседкой по тюремной камере была сорокалетняя женщина по имени Дюбуа. Она, как и я, ожидала исполнения смертного приговора, хотя, в отличие от меня, в полной мере его заслужила, так как совершила все виды преступлений. Я вызвала у этой женщины чувство сострадания. Как-то вечером, когда уже оставалось совсем немного времени до того дня, когда нам обоим предстояло расстаться с жизнью, она шепнула, чтобы я не ложилась спать, а незаметно старалась держаться поближе к дверям камеры.

«Между полуночью и часом, – продолжала эта неунывающая мошенница, – наше заведение будет охвачено огнем... Это дело моих рук; может, будет несколько жертв, ну и пусть, зато уж мы-то наверняка спасемся. К нам присоединятся трое моих дружков-сообщников, и я ручаюсь, что ты окажешься на свободе».

Карающая десница, которая недавно наказала меня, невинную, оказала поддержку новому преступлению моей покровительницы; ее план удался, пожар разгорелся, в нем погибло десять человек, но нам удалось сбежать. В тот же день мы оказались в лесу Бонди в хижине браконьера, одного из давних друзей банды Дюбуа.

«Вот ты и свободна, милая моя Софи, – сказала Дюбуа, – теперь ты сама выберешь тот образ жизни, какой тебе понравится, но мой добрый совет – отказаться от бессмысленного поклонения добродетели, которая, как видишь, не принесла тебе счастья. Неуместная поря-

дочность довела тебя до подножия эшафота, а ужасное злодеяние меня от него уберегло. Приглядишься, каков в этом мире удел добра, и прикинь, стоит ли ради этого жертвовать собой. Ты молода и красива, я могу взяться устроить твою жизнь; если ты захочешь – отправимся вместе в Брюссель, я оттуда родом. За два года я поставлю тебя на ноги, но предупреждаю сразу, я не собираюсь вести тебя к успеху узкими тропками целомудрия. Придется сменить не одно ремесло, участвовать не в одной проделке, чтобы в твоём возрасте быстро пробить себе дорогу. Послушай, Софи, решайся быстрее, нам надо торопиться, мы будем здесь в безопасности всего несколько часов».

«О сударыня, – ответила я своей благодетельнице, – я обязана вам жизнью, однако пребываю в отчаянии: за нее пришлось заплатить преступлением, и уверяю вас, что если бы потребовалось мое в нем участие, то я скорее предпочла бы смерть. Ради служения добродетели, которая глубоко коренится в моем сердце, я готова подвергнуться любым опасностям, и, какими бы ни были тернии добродетели, я всегда предпочту их фальшивому золотому блеску и опасным милостям, что на короткий миг сопутствуют пороку. В этом решении меня укрепляют и мои религиозные воззрения, от которых я никогда не отреклась. Если Провидению будет угодно сделать мой жизненный путь мучительным, то лишь для того, чтобы полнее вознаградить меня в лучшем мире. Эта надежда меня согревает, она облегчает мои страдания, утишает мои стоны, вооружает в борьбе против превратностей судьбы, придавая силы противостоять будущим невзгодам, которые Провидению еще заблагорассудится мне преподнести. Эта радость тотчас же угаснет в моем сердце, если я оскверню ее злодеянием, и тогда наряду со страшными муками в этой жизни, на том свете меня будет ожидать еще более ужасная кара, которую небесное правосудие предназначает для тех, кто его оскорбляет».

«Это нелепые бредни, от которых ты скоро спишишь, – нахмурила брови Дюбуа. – Поверь мне, милочка, оставь в покое и небесное правосудие и небесную кару, но помни: если хочешь не умереть с голоду – выбрось из головы все, чему тебя учили в школе. Жестокость сильных мира сего оправдывает плутовство бедняков, дитя мое. Когда кошельки их откроются навстречу нашим нуждам, а в сердцах их воцарится человеколюбие, тогда в наших душах водворится добродетель, но, до тех пор пока наши бедствия, наша терпеливость, наша добросовестность и наше послушание будут лишь усугублять наше угнетение, преступление будет для нас единственным средством хоть немного ослабить ярмо, которое они на нас взвалили, и надо быть просто идиотом, чтобы не воспользоваться такой возможностью. Природа всех нас создала равными, Софи, и если злему року нравится нарушать этот первоначальный замысел, то нам не остается ничего другого, как самим смягчать его капризы, своей ловкостью и сноровкой отбирая у власть имущих то, что ими незаконно присвоено. Ты только взгляни на этих богатеев, на этих судей и политиков, полюбуешься, как усердно они наставляют нас на путь истинный; еще бы, когда имеешь в три раза больше, чем в состоянии потратить, – ты огражден от участия в воровстве; когда тебя окружают лишь льстецы и покорные рабы – ты не станешь замышлять преступлений; когда упиваешься сладострастием и объедаешься самыми лакомыми кусочками – ты без труда будешь воспевать строгость и воздержанность; когда нет никакой необходимости обманывать – велика ли заслуга быть прямым и честным! Но мы-то, Софи, мы приговорены тем самым Провидением, из которого ты имеешь глупость сотворить себе кумира, пресмыкаться, елозя брюхом по земле, как змеи, мы привыкли сносить презрение и унижение только за то, что бедны и беззащитны, мы не встречаем на всей земле ничего, кроме горечи и шипов, – и ты желаешь, чтобы мы сторонились преступления, когда именно оно открывает перед нами все двери, хранит нас от невзгод, а то и просто спасает нам жизнь! Ты, стало быть, хочешь, чтобы мы вечно оставались оскорбленными и униженными, в то время как те, кто подчинил нас себе, наслаждаются всеми милостями фортуны? Ты хочешь, чтобы на нашу несчастливую долю оставались лишь изнурительный труд, обиды и боль, лишь нужда и слезы, лишь клеймо позора и эшафот? Не

бывать этому, нет, Софи, еще раз нет! Либо Провидение, которое ты так боготворишь, просто пренебрегает нами, либо намерения его недоступны для нашего понимания... Хотя если получше к нему приглядеться, Софи, и постараться вникнуть в суть, нетрудно уличить его в том, что, раз оно ставит нас в положение, когда обращение к злу становится неизбежным, и при этом предоставляет нам возможность творить зло, значит, зло, как и добро, равно присущи Провидению и заложены в его законы, и оно охотно прибегает к услугам как одного, так и другого. Мы появляемся на свет равными, и даже тот, кто стремится разрушить это равенство, виновен не более, чем тот, кто ищет его восстановления, так как оба действуют вслепую, с повязкой на глазах, подчиняясь полученным свыше указаниям».

Должна признаться, сударыня, что никогда я не была более близка к тому, чтобы поддаться на уговоры, чем в эту минуту, однако в моем сердце зазвучал другой голос, более сильный, и он одержал победу над обольщением ловкой женщины. Внимая этому голосу, я решительно заявила, что не отступлю от избранного мною пути.

«Ладно, – махнула рукой Дюбуа. – Поступай как знаешь, оставляю тебя на произвол твоей злой судьбы, но когда тебя схватят, а тебе этого не избежать по той простой причине, что рок всегда выгораживает преступление и неминуемо приносит в жертву добродетель, то хотя бы позаботься о том, чтобы ни о чем не проговориться».

Пока мы рассуждали, трое сообщников Дюбуа и браконьер пьянствовали, а вино, как известно, ослабляет память, и наши преступники, забыв о том, что недавно стояли на краю пропасти и чудом ускользнули, задумали новое злодеяние. Эти негодяи не желали отпускать меня, пока я не удовлетворю их похоть. Дикие нравы разбойников, полная их безнаказанность, пьяный угар, уединенность нашего пристанища, наконец, моя юность и невинность – все подстегивало их. Злодеи поднялись из-за стола и стали держать совет, переговариваясь с Дюбуа. Мрачная таинственность их поведения заставляла меня дрожать от страха. И вот мне объявляют решение – я должна пройти через руки всех четверых. Если я соглашусь на это добровольно, каждый вручит мне по одному экю, и я смогу отправиться прочь. Если же придется применить силу, это все равно произойдет, но для надежного сохранения тайны последний из четверых, кто будет развлекаться со мной, воткнет мне в грудь нож и меня закопают тут же под деревом. Можете себе представить, сударыня, как на меня подействовало это омерзительное предложение. Я бросилась к ногам Дюбуа, я умоляла ее еще раз стать моей защитницей, но эта негодяйка хохотала над моими страхами, считая их сущим пустяком.

«Черт подери, вот уж и впрямь беда! – возмущалась Дюбуа. – Да ты должна быть благодарна за то, что представляется случай обслужить таких ладных парней, как эта четверка! Знаешь ли ты, деточка, что в Париже найдется десять тысяч женщин, которые не пожалели бы никаких денег за то, чтобы оказаться сейчас на твоём месте... А впрочем, – добавила она после недолгого раздумья, – я могла бы повлиять на этих шалопаев и добиться твоего помилования, если ты пожелаешь его заслужить».

«О сударыня, скажите, что нужно сделать? – воскликнула я в слезах. – Приказывайте, я на все готова».

«Следовать за нами, участвовать в наших делах, не выражая ни малейшего недовольства, такой ценой я обещаю избавить тебя от остального».

У меня не было времени долго взвешивать все доводы; давая согласие, я подвергала себя новым опасностям, но они не были столь неотвратимыми, как сегодняшняя, и я надеялась на счастливый случай.

«Я пойду куда угодно, хоть на край света, даю вам слово, сударыня, – поспешила я сказать Дюбуа. – Но заклинаю вас, избавьте меня от неистовства этих людей, и я никогда вас не покину».

«Эй, ребята, – обратилась Дюбуа к четверым бандитам, – эта девчонка теперь в нашей шайке; я принимаю ее к нам. Я запрещаю вам насилловать ее, не отбивайте у нее вкус к будущему ремеслу с первого же раза; прикиньте, насколько прибыльными могут для нас оказаться ее возраст и внешность; так воспользуемся ими для нашей же пользы и не будем портить товар в угоду минутной прихоти...»

Но порой человек столь обуреваем страстями, что не способен внять голосу рассудка. Так и эти четверо и слушать не желали о моем помиловании, они не оставляли мне никакой надежды, единодушно заявив Дюбуа, что, даже если бы им грозил эшафот, они не отказались бы от своего желания позабавиться со мной.

«Первым возьму ее я, – выкрикнул один из них, хватая меня в охапку».

«А по какому такому праву надо начинать с тебя?» – восстал второй, отталкивая своего сообщника и грубо вырывая меня из его рук.

«Как бы не так, только после меня», – вступил в спор третий.

Возбужденные препирательствами, четверо соперников вцепились друг другу в волосы. Кончилось тем, что они повалились на пол, продолжая колотить друг друга, и, пока Дюбуа их разнимала, я воспользовалась моментом и стремглав бросилась бежать. Вскоре я очутилась в лесу, потеряв из виду это зловещее пристанище.

«О Всевышний, – взывала я, бросившись на колени, как только оказалась в безопасности, – мой истинный заступник и опора, сообрази сжалиться над моими лишениями, обрати свои взоры на мою невинность и незащищенность, на веру, с которой я уповаю на тебя, вырви меня из цепи бед и неудач, которые неотступно гонятся за мной, или поскорее призови меня к себе и даруй смерть менее позорную, чем та, которой я только что избежала».

Молитва – самое сладкое утешение обездоленного, она делает его сильнее. Я поднялась, полная решимости, и с началом темноты углубилась в лесную чащу, чтобы там переночевать с наименьшим риском. Чувство безопасности, полный упадок сил, радость избавления сделали свое дело, и я провела прекрасную ночь, а когда открыла глаза, солнце поднялось уже довольно высоко. Миг пробуждения для несчастливцев – губительный; после короткого забвения и покоя все невзгоды возвращаются, удручая еще сильнее, и груз их становится еще более обременительным.

«Что же получается, – думала я, – выходит, есть человеческие создания, которых сама природа низвела до диких зверей! Подобно хищнику, что укрывается в своем логове, прячась от людей, я стала отверженной. Какое же теперь различие между нами? Стоило ли труда родиться для такой жалкой участи?»

При этих мыслях слезы ручьем полились из моих глаз. Я еще не успела выплакаться, как услышала рядом какой-то шорох. Сперва я подумала, что это какое-то животное, но мало-помалу стала различать голоса двоих мужчин.

«Сюда, друг мой, иди сюда, – произнес один из них, – мы чудесно устроимся здесь; по крайней мере, ненавистное присутствие моей матери не помешает нам с тобой вкушать столь дорогие для нас минуты наслаждения».

Они приблизились друг к другу, поместившись прямо напротив меня, и ни одно их слово, ни одно из их движений не могли ускользнуть от меня, и я видела, как...

Небо праведное, сударыня! – Софи остановилась, не в силах продолжать. – Возможно ли, что судьба, словно нарочно, всегда создает вокруг меня стечение обстоятельств настолько критических, что для стыдливости невыносимо не только за ними наблюдать, но и их описывать?... Страшное преступление, которое в равной степени оскорбляет законы природы и общества; жуткое злодеяние, на которое столько раз обрушивалась карающая десница небесного правосудия, – словом, гнусность эта, столь новая и непостижимая для меня, совершалась на моих глазах со всеми отвратительными моментами, со всеми непристойными утонченностями, которые могла привнести самая изобретательная порочность.

Тот из двоих, кто выглядел господином, был примерно двадцати четырех лет, он был одет в изящный зеленый кафтан, что наводило на мысль о его богатстве и знатности. Другой походил на его слугу. Это был очень красиво сложенный юноша лет семнадцати-восемнадцати. Непристойная сцена продолжалась долго, мне она казалась бесконечной еще и потому, что из страха быть замеченной я боялась пошевелиться.

Наконец, когда разыгрывавшие эту сцену преступные актеры, утолив свои низменные желания, собрались возвращаться домой, тот, что был похож на господина, подошел к скрывавшему меня кустарнику, чтобы справить нужду. Меня выдал мой высокий чепец, и я была обнаружена.

«Жасмен, – обратился он к своему юному Адонису, – мы попались, мой дорогой! Какая-то бродяжка, какая-то непосвященная видела наши тайнства. Подойди поближе, вытащим эту мерзавку и узнаем, что она там делала».

Я опередила их, сама выскочила из своего убежища и воскликнула, простирая к ним руки:

«О господа, соблаговолите пожалеть бедную сироту, чья жалкая участь способна вызвать лишь сочувствие. Несчастья мои столь горестны, что их трудно с чем-либо сравнить, и пусть странные обстоятельства, при которых состоялась наша встреча, не настораживают вас, они в гораздо большей степени результат бедствий, нежели проступков. Не умножайте число моих невзгод, напротив, будьте милостивы и помогите смягчить суровость злого рока, неотступно преследующего меня».

Господин де Брессак, так звали молодого человека, в чьи руки я попала, из-за испорченного ума и дурного нрава был начисто лишен душевного тепла. К сожалению, часто можно наблюдать, как половая распущенность полностью губит в человеке способность к состраданию и делает его черствым и жестоким. Постоянное отклонение от норм морали формирует в душе своего рода апатию, а постоянное нервное возбуждение снижает чувствительность, и закоренелые распутники редко бывают жалостливыми. К естественной для людей подобного склада душевной черствости у господина де Брессака прибавлялось стойкое отвращение к женскому полу и ко всему, что с ним связано, поэтому вряд ли я могла всколыхнуть в нем сочувствие, на которое рассчитывала.

«Что ты здесь делаешь, лесная горлица? – довольно сурово спросил вместо ответа де Брессак, которого я пыталась разжалобить. – Говори начистоту, ты видела все, что здесь произошло между мной и этим юношей, не так ли?»

«О нет, сударь, – поспешила я возразить, считая, что не произойдет ничего страшного, если я скрою правду. – Уверяю вас, что видела лишь то, как вы оба сидели на траве и беседовали о чем-то, вот и все».

«Хотелось бы в это поверить, – ответил господин де Брессак, – для твоего же блага. Если бы я имел основания полагать, что ты могла увидеть кое-что другое, ты бы никогда не выбралась из этой чащи. У нас еще есть время, Жасмен, чтобы послушать историю приключений этой потаскушки. Заставим ее немедленно все рассказать, а потом привяжем ее к толстому дубу и испробуем наши охотничьи ножи на ее теле».

Молодые люди уселись поудобней, приказав мне разместиться рядом, и я им безыскусно поведала все, что случилось с тех пор, как я вошла в самостоятельную жизнь.

«Ну что же, Жасмен, – господин де Брессак поднялся, едва я закончила, – станем хоть раз в жизни вершителями правосудия. Беспристрастная Фемида приговорила эту мошенницу. Неужели же мы допустим, чтобы замыслы богини были столь жестоко обмануты. Надо заставить злодейку испытать все, чему она должна была подвергнуться. То, что мы сейчас с ней сделаем, не преступление, а справедливость, друг мой, восстановление попорченного порядка, высокоморальный поступок, а поскольку мы имеем несчастье порой нарушать эти законы, так отчего же нам не защитить их, когда представляется случай».

Они безжалостно схватили меня и потащили к намеченному дереву, не внимая ни стонам, ни слезам.

«Привяжем ее вот так», – сказал де Брессак слуге, прислоняя меня лицом к дереву.

Все подвязки и носовые платки были пущены в ход, и через минуту мне так туго связали руки и ноги, что я не могла пошевелиться. Закончив эту операцию, негодяи охотничьими ножами стали одну за другой отцеплять мои юбки, после чего задрали мне рубашку на плечи; казалось, они сейчас начнут рассекать все, что после этой дикой, грубой выходки оказалось обнаженным.

«Теперь достаточно, – сказал де Брессак, хотя я еще не получила ни одного удара, – этого довольно, чтобы она поняла, с кем имеет дело, и знала, что она в нашей власти. Софи, – продолжал он, развязывая веревки, – одевайтесь и следуйте за нами. Если вы не будете болтливы и преданы мне, то вам не придется раскаиваться, дитя мое, я представлю вас моей матери, ей нужна вторая горничная. Принимая на веру ваши рассказы, я поручусь за ваше поведение, но если вы вздумаете злоупотребить моей добротой или обмануть мое доверие – хорошенько всмотритесь в это дерево, оно послужит вам смертным ложем. Почаще вспоминайте, что находится оно на расстоянии всего одного лье от замка, куда я вас веду, и при малейшей провинности вы будете немедленно доставлены сюда.

Едва одевшись, я с трудом старалась найти слова, чтобы поблагодарить своего неожиданного покровителя, я упала к его ногам, обнимала его колени, клялась, что буду хорошо себя вести, но он оставался равнодушным как к моей боли, так и к моей радости:

«Все, хватит, пошли, – сказал господин де Брессак, – только ваше поведение имеет значение, только оно предрешит вашу судьбу».

Мы двинулись в путь. Жасмен и его хозяин болтали друг с другом, а я молча следовала за ними. Менее чем за час мы дошли до замка графини де Брессак, и, глядя на его великолепие, я подумала, что, какую бы работу ни предстояло мне выполнять в этом доме, она будет несомненно доходнее, чем должность экономки у четы Дюарпен. Меня вежливо попросили подождать в буфетной, где Жасмен угостил меня плотным завтраком. В это время господин де Брессак поднялся к матери, переговорил с ней и через полчаса зашел за мной, чтобы представить меня ей.

Госпожа де Брессак оказалась еще очень красивой сорокапятилетней дамой. Несмотря на несколько излишнюю строгость манер и речей, во всем ее облике сквозила неподдельная порядочность и человечность. Уже два года она была вдовой и владелицей огромного состояния. Ее покойный супруг в свое время женился на ней, не имея за душой ничего, кроме знатного имени, которое он ей любезно предоставил. Таким образом, все блага, на которые мог рассчитывать молодой маркиз де Брессак, зависели от воли матери, ибо того, что ему досталось от отца, едва хватало чтобы прокормиться, и, хотя госпожа де Брессак не скупилась на солидный пенсион, этого было мало для покрытия огромных и беспорядочных расходов ее сына. Доход составлял не менее шестидесяти тысяч ливров ренты, и маркиз был единственным наследником. Никому не удалось заставить молодого распутника поступить на службу, ибо все, что отрывало его от наслаждений, было для него ненавистным, и он не желал терпеть никаких оков. Графиня с сыном проводили в этом поместье три месяца в году, остальное время – в Париже, и эти три месяца, которые госпожа де Брессак требовала от сына оставаться при ней, были для него невыносимы: мать была главной помехой его счастью.

Маркиз приказал, чтобы я повторила для матери то, что рассказала ему. Как только я закончила свою историю, графиня де Брессак сказала:

«Неподдельные искренность и наивность не позволяют сомневаться в вашей невинности, я не стану наводить о вас никаких справок, но лишь должна удостовериться, на самом ли деле вы дочь того господина, которого называете. Если это так, то появится дополнитель-

ный довод в вашу пользу, поскольку я знала вашего отца. Что касается дела с Дюарпеном, то я берусь уладить его. Мне потребуется нанести два визита министру, моему стародавнему другу. Это самый неподкупный человек во Франции; я постараюсь убедить его в вашей невинности, а также уничтожить все, что сфабриковано против вас, чтобы вы смогли без всяких опасений появляться в Париже. Но имейте в виду, Софи, все, что я вам обещаю, вы можете заслужить лишь ценой безупречного поведения; как видите, признательность, которой я потребую от вас, обернется в вашу же пользу».

Я бросилась в ноги госпожи де Брессак, горячо благодарила ее, уверяя, что не дам ни малейшего повода для недовольства, и с этой минуты была назначена на место второй горничной. Через три дня из Парижа пришли сведения, подтверждающие истинность моего рассказа, и все мои мрачные мысли, наконец, сменились самыми утешительными надеждами. Но на Небе не было предначертано, чтобы бедняжка Софи могла долго наслаждаться счастьем, и если порой ей были дарованы редкие минуты покоя, то лишь для того, чтобы усилить горечь тяжелых и страшных испытаний, которые неизбежно за ними следовали.

Как только мы оказались в Париже, госпожа де Брессак тотчас же поспешила похлопотать обо мне. Я была выслушана представителями высших судебных инстанций; ко мне проявили интерес; обман Дюарпена был установлен, а также было признано, что я не виновна в том, что воспользовалась пожаром в тюрьме, раз не принимала участия в поджоге. Меня уверяли, что отныне вся судебная процедура признана недействительной без каких бы то ни было дополнительных формальностей.

Нетрудно представить, как я привязалась к госпоже де Брессак. Впрочем, если бы даже она и не осыпала меня всевозможными милостями, разве можно не быть беззаветно преданной такой благородной защитнице? К тому же в замыслы молодого маркиза входило как можно теснее сблизить меня со своей матерью. Кроме распутных увлечений, вроде тех, которые я вам обрисовала, всецело владевших душой этого молодого человека и занимавших его в Париже еще более, чем в деревне, я очень скоро обнаружила другое чувство, которым он был одержим: беспредельную ненависть к графине. Мать готова была на все, лишь бы прекратить чудовищные разгулы, и чинила им всяческие препятствия, проявляя при этом большую твердость. Маркиз, подстегиваемый ее суровостью, предавался страстям с еще большим пылом, и бедная графиня не добивалась своими преследованиями ничего, кроме бесконечного озлобления со стороны сына.

«Не воображайте себе, – очень часто говорил мне маркиз, – что моя мать, проявляя о вас заботу, действует от своего имени. Знайте же, Софи, если бы я постоянно не теребил ее, она вряд ли вспомнила бы о своих обещаниях. Она беспрестанно подчеркивает, что именно ей пришлось на ум осчастливить вас, в то время как все ее благодеяния были подсказаны мной, и поэтому я считаю себя вправе рассчитывать на некоторую признательность, и услуга, которую я потребую от вас, должна показаться вам тем более бескорыстной, что вы знаете о моих пристрастиях и поэтому можете быть вполне уверены, что, какой бы хорошенькой вы ни были, я не прельщусь вашими прелестями... О нет, Софи, одолжение, которого я добиваюсь от вас, совсем другого рода, и когда вы окончательно убедитесь в том, что обязаны всем именно мне, надеюсь найти в вашей душе отклик, и вы выполните то, на что я имею право рассчитывать...»

Подобные намеки казались мне настолько неясными, что я не знала, как отвечать на них, и, возможно, легкомысленно пропускала их мимо ушей...

Пришло время признаться вам, сударыня, в самой непростительной слабости, в которой я могу себя упрекнуть. Ах, что я говорю, в слабости, скорее в сумасбродстве! Во всяком случае, это не преступление, а просто ошибка, из-за которой пострадала я одна, и я не нахожу свою вину столь тягостной, чтобы именно она послужила поводом для суровой кары беспристрастной десницы Господней, незаметно разверзнувшей бездну под моими ногами.

Я не могла видеть маркиза де Брессака без волнения, не в силах была справиться с неистребимой нежностью к нему. Никакие размышления о его неприязни к женщинам, о его извращенных вкусах, о несовместимости наших нравственных принципов – ничто в мире не могло погасить эту разгорающуюся любовь, и если бы этому человеку понадобилась моя жизнь, я бы тысячу раз ею пожертвовала, считая, что еще слишком мало ему отдала. Он был далек от подозрений о чувствах, которые я таила в своем сердце. Ему, неблагодарному, были безразличны слезы, которые каждый день проливала несчастная Софи из-за постыдных оргий, губивших его душу. Однако маркиз не мог не замечать, как я предупреждала все его желания, не мог не обратить внимания на мою необыкновенную услужливость... Я потакала его прихотям, стараясь представить их в благопристойном свете перед матерью. Такая манера поведения в какой-то мере обеспечивала мне его доверие, а все, что исходило от маркиза, было для меня настолько дорогое, что я склонна была переоценивать те крохи внимания, которыми он меня одаривал. Порой я даже с гордостью отмечала, что небезразлична ему, но его новые излишества всякий раз рассеивали мои заблуждения! Мало того, что весь дом был полон смазливых прислужников, маркиз еще содержал на стороне целую ватагу отвратительных типов – то он к ним ходил, то они ежедневно приходили к нему, и, поскольку подобного рода услуги были весьма дорогостоящими, они доставляли маркизу огромные хлопоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.